Елена Тыканова, Анисья Хохлова

Траектории самоорганизации локальных сообществ в ситуациях оспаривания городского пространства

Статья посвящена факторам самоорганизации локальных сообществ в ситуации борьбы за городское пространство, подвергающееся нежелательным для горожан трансформациям в результате градостроительных решений, действий властей и бизнес-элит. Опираясь на результаты качественного исследования, выполненного с использованием стратегии множественного кейс-стади, авторы сравнивают три сценария развития петербургских сообществ. Исследователи демонстрируют, что скорость и масштабы самоорганизации горожан, а также вероятность формирования и институционализации инициативных групп зависят от ряда условий, в которых разворачивается конкурентная борьба: местоположения и типа оспариваемого участка пространства; характеристик локальных сообществ; характера требований и модальности действий членов сообществ и т. д. Авторы также описывают специфику коллективного действия, составляющего основу низовых протестных инициатив, указывая на пассивность большинства горожан, порождаемую эффектами дилеммы безбилетника.

Ключевые слова: городское пространство, локальные сообщества, оспаривание, протест, самоорганизация

Тыканова Елена Валерьевна — кандидат социологических наук, ассистент кафедры социологии культуры и коммуникации факультета социологии СПбГУ, младший научный сотрудник Социологического института Российской Академии наук. Научные интересы: urban studies, community studies, оспаривание городского пространства, социология общественных движений, социология памяти, социология права, креативные индустрии, креативные сообщества и культурное потребление в больших городах. E-mail: sensu_87@inbox.ru

Хохлова Анисья Михайловна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии культуры и коммуникации факультета социологии СПбГУ, руководитель англоязычного профиля магистратуры ‘Studies in European Societies’. Научные интересы: urban studies, социология повседневности, memory studies, креативные индустрии, креативные сообщества и культурное потребление в больших городах. E-mail: anisya_khokhlova@mail.ru

В последние годы в крупных российских городах все чаще происходит столкновение противоборствующих логик определения ценности городского пространства. Для городских властей данное пространство может выступать в качестве ресурса развития города, улучшения его имиджа и привлечения новых инвестиций. Для представителей бизнеса — ресурсом извлечения прибыли, а для горожан — местом их повседневного существования и памяти. Многие градостроительные инициативы, реализуемые сверху, игнорируют интересы, ценности и привычки местных жителей. В свою очередь горожане, отвечая на угрозу освоенным и символически присвоенным ими местам, вынуждены коллективно выступать против навязанных им трансформаций пространства. Однако в своем протесте горожане демонстрируют различную способность к самоорганизации и институционализации. Объединяясь, они формируют инициативные группы различного масштаба и устойчивости, иногда ограничивая активность собственным кварталом или микрорайоном, а иногда выходя на общегородские публичные площадки и формируя сети сотрудничества с другими сообществами горожан, группами активистов, градозащитными и правозащитными движениями. Опираясь на материалы эмпирического исследования, мы проследим три сценария самоорганизации локальных сообществ Петербурга в борьбе за сохранение городского пространства и проанализируем факторы, способствующие или препятствующие подобной самоорганизации.

Городское локальное сообщество: теоретическая рамка исследования

В качестве основных акторов сопротивления градостроительным интересам властей и бизнеса мы рассматриваем локальные сообщества, защищающие от инициированной сверху трансформации (снос, реновация, уплотнительная застройка и проч.) свой квартал, бульвар, площадь, гаражное строение и т. п.

В социальных науках широкое распространение получили определения сообществ, опирающиеся на ассоциации с местом [Lynd, 1937; Young, Willmott, 1962]. Кроме того, сообщество традиционно рассматривалось как группа людей, разделяющих общие интересы, чувства и демонстрирующих схожее поведение [Warner, Lunt, 1941], или как изолированная и автономная группа [Fletcher, 1971; Keur, Keur, 1995]. В качестве отличительной особенности сообщества выделялось наличие у его членов сильных внутригрупповых связей [Putnam, 2000].

Однако все эти интерпретации впоследствии подвергались жесткой и обоснованной критике. Так, с развитием индустриальных и особенно постиндустриальных обществ, сопровождавшимся прогрессом инфраструктуры и бумом информационных технологий, многие сообщества становятся все более пространственно-дисперсными и теряют четкие пространственные границы. Признак общности интересов и форм поведения перестает быть релевантным, когда объектом исследования становятся крупные, внутренне гетерогенные сообщества и особенно воображаемые сообщества, члены которых не обязательно включены во взаимодействия лицом к лицу. Важную роль в бытовании сообществ порой играют и слабые связи, обеспечивающие их гибкость и динамику, тогда как преобладание исключительно сильных связей может приводить к излишней гомогенизации, а зачастую и к изоляции.

Можно констатировать, что в современном научном дискурсе не существует единого понимания сообщества, включающего четкий набор характеристик, равно как не существует и единственной формы бытования этого феномена. Следовательно, сообщество может быть определено лишь с применением принципа «семейного сходства» [Витгенштейн, 1994]. Подобно тому, как в семье каждый человек обладает определенными чертами внешнего сходства с родственниками, но при этом ни одна черта не является общей для всех членов семейства, различные разновидности сообществ также связаны друг с другом способами, не имеющими сквозного признака, на основе которого можно было бы четко определить границы семьи сообществ. Между тем существует множество устойчивых форм сообществ, связанных сложной сетью частичных подобий и обладающих в разных комбинациях такими признаками, как пространственная закрепленность, общность интересов, эмоций и поведения, относительная автономность и закрытость, преобладание сильных связей между членами. При этом ни один из перечисленных выше признаков не является универсальным, присущим всем сообществам без исключения.

В своем исследовании мы сконцентрируемся на городских сообществах, обладающих такими признаками, как пространственная укорененность членов, а также наличие у них идентификации с разделяемой территорией. Таким образом, категория «локальное сообщество» используется нами как принципиально синонимичная другому распространенному в городских исследованиях термину «соседское сообщество» (*англ.* — neighbourhood).

Мы исходим из того, что локальные сообщества, ориентированные на защиту городского пространства, являются сообществами

практики (*англ.* — communities of practice), т. е. «группами людей, которые имеют общие интересы в одной из областей человеческой деятельности, предпринимают коллективные действия и занимаются постоянным изучением волнующих их вопросов» [Wenger, 2001, p. 2339]. Подобные сообщества характеризуются четырьмя основными признаками. Во-первых, члены сообществ практики обладают общими интересами: в частности, стремлением к оспариванию градостроительных инициатив в отношении своего пространства. Во-вторых, «преследуя общие интересы, члены такого сообщества участвуют в обсуждении волнующих их тем, прилагают усилия, поддерживают друг друга и делятся информацией» [Ibid]. Действительно, для организации коллективного действия по защите городского пространства горожане постоянно взаимодействуют как внутри, так и за пределами локальных сообществ. Наиболее активные представители сообществ распространяют листовки среди соседей, организуют митинги или просто делятся с окружающими информацией о будущих слушаниях, субботниках и проч. В-третьих, члены сообществ практики должны располагать набором ресурсов, которые помогают им справиться с общими проблемами. Для локальных сообществ такими ресурсами могут выступать, например, доступ к СМИ, знакомство с политиками, правовая грамотность, общая память или владение «локальным знанием». Наконец, важным признаком выступает наличие общего значимого опыта, например, опыта совместного проживания на общей пространственно ограниченной территории [Ibid].

Внутренняя логика возникновения и развития локальных сообществ рассматривается нами с точки зрения соотношения эгоистического и коллективистского типов поведения в группе. Вслед за М. Олсоном мы исходим из того, что в каждой ситуации выбора участия или неучастия в совместном действии индивид оценивает издержки и возможные выгоды от пассивности или же активности в группе, причем желаемое благо зачастую является общественным, то есть неотчуждаемым и доступным для всех, включая и тех, кто непосредственно не участвовал в его достижении. Данное обстоятельство приводит к возникновению такого социального эффекта, как проблема безбилетника [Олсон, 1995, с. 13]. Большинство членов группы предпочитает занять пассивную позицию, зная, что при положительном исходе борьбы они все равно не будут исключены из потребления достигнутого общественного блага.

Другим эффектом балансирования горожан между максимизацией выгод и минимизацией издержек становится то, что протестная активность большинства городских локальных сообществ ограничивается режимом NIMBY («только не в моем

дворе»), когда горожане выступают против градостроительных инициатив и (ре) девелопмента в своем районе, так как считают их опасными и вредными, но не возражают против аналогичных процессов в других местах [Hubbard, 2005, p. 52]. В таких объединениях горожане озабочены именно защитой собственной, то есть по тем или иным основаниям (через практики памяти, пользования, наррации) присвоенной ими территории, являющейся значимой в их повседневном опыте.

Для рассмотрения стратегий поведения представителей локальных сообществ при защите городского пространства в рамках описанных выше социальных дилемм мы воспользуемся теорией модальности действия в кризисной ситуации А. О. Хиршмана [Hirschman, 1970]. Он выделяет три основных способа действия группы в кризисной ситуации: 1) выход (*англ.* — exit) — смена делегированного субъекта принятия решений; 2) протест (*англ.* — voice) — публичное заявление о своем недовольстве/несогласии; 3) лояльность (*англ.* — loyalty) — пассивное принятие группой навязанных сверху инициатив даже в ситуации, когда условия существования ее членов в результате ухудшаются.

В ситуации защиты городского пространства опция «выход» зачастую максимально затруднена для горожан, так как представители локальных сообществ зависимы от градостроительных решений властей и не имеют возможности выбрать другую организацию, ответственную за принятие решений в области городского развития. Единственной возможностью выхода в случае недовольства локальным сообществом городским развитием является создание самоуправляющегося объединения на местном уровне, представляющего собой альтернативную государственной форму собственности на жилые постройки и прилегающую территорию.

Дизайн эмпирического исследования

При выборе эмпирических случаев мы руководствовались стратегией максимальной вариативности ситуаций оспаривания городского пространства представителями локальных сообществ. Такой подход позволяет учесть многообразие форм мобилизации горожан, чьи мнения, интересы и потребности не учитываются властями, строительными инвесторами и девелоперами. Однако подчеркнем, что выбранная нами качественная исследовательская стратегия множественного кейс-стади [Yin, 1994] не показывает жестких корреляций между параметрами изученных кейсов и траекториями самоорганизации слабых групп интересов. Она лишь позволяет выявить некоторые закономерности,

которые зачастую контекстуальны и не во всех случаях могут быть экстраполированы на иные ситуации. Тем не менее, данные закономерности способны высветить некоторые аспекты многомерного процесса самоорганизации горожан в ситуациях внешней угрозы. Методами сбора эмпирического материала послужили полуформализованные интервью с представителями локальных сообществ, а также включенное и невключенное наблюдение процессов самоорганизации и борьбы горожан. Основным источником информации о действиях и легитимациях сильных групп интересов выступили материалы СМИ и интернет-публикации, прямо цитирующие выказывания представителей властей и бизнес-элит.

Ключевыми характеристиками, учтенными при отборе случаев конфликта горожан и сильных групп интересов вокруг трансформации городского пространства, послужили:

- *месторасположение оспариваемого участка городского пространства* (центр города или периферия);
- *тип оспариваемого городского пространства* (городская площадь; территория и здания квартала, где проживают члены локального сообщества; здание, не населенное горожанами, но обладающее исторической ценностью; территория, на которой расположены строения бывшего гаражного кооператива);
- *время и период оспаривания городского пространства* (рассмотрены конфликты, разгоревшиеся между 2005 и 2012 гг., причем активное сопротивление локальных сообществ в каждом случае составляло от одного месяца до нескольких лет);
- *требования локального сообщества* (отмена непопулярного градостроительного решения или допущение той или иной трансформации территории в обмен на не дискриминирующую интересы горожан компенсацию нанесенного ущерба);
- *характеристики локального сообщества* (число вовлеченных и пассивных участников, социально-демографические характеристики участников, степень социокультурной гетерогенности сообщества, наличие лидера/-ов, предыдущий опыт самоорганизации сообщества);
- *модальность действий сообщества* (выход, протест или лояльность);
- *степень сетевизации сообщества* (сотрудничество с другими инициативными группами, градозащитными и иными правозащитными организациями, привлечение лоббистов в политической сфере);

- *динамика сообщества* (латентная, полуорганизованная или организованная стадии групповой динамики сообщества);
- *окончательное решение сильных групп интересов* (учет мнения горожан, отказ в удовлетворении их требований или отсутствие ясного решения, например, в ситуации, когда угроза городской территории была воображаемой, т. е. возникла ввиду низкой информированности активистов и членов инициативных групп об истинных целях и мотивах городской администрации и/или представителей бизнеса);
- *объем финансового вклада инвестора, входящего в состав коалиции власти и строительного бизнеса* (крупный градостроительный проект, например строительство жилого комплекса, или средний, такой как возведение торгового центра или гостиницы);
- *тип городского пространства, выступившего площадкой для самоорганизации локального сообщества* (непосредственно оспариваемая территория или публичные городские пространства, находящиеся за пределами оспариваемой территории).

Ориентируясь на максимальное разнообразие комбинаций параметров, описывающих ситуации борьбы локальных сообществ, в данной статье мы в хронологической последовательности рассмотрим три случая оспаривания городского пространства. Это борьба жителей Сергиевского квартала против предполагаемой реновации и сноса жилых зданий в марте — мае 2008 г. (6 протоколов наблюдения, 9 интервью); протестные инициативы горожан, проживающих вблизи дома Юргенса, против сноса здания и строительства на его месте гостиницы или бизнес-центра в 2010 г. (3 протокола наблюдения, 9 интервью); сопротивление владельцев гаражей, в частности, членов профсоюза защиты прав владельцев гаражей «Рубеж», масштабному сносу 8500 боксов на кооперативной автостоянке «Парнас» с 2009 по 2012 г. (14 интервью).

Защита Сергиевского квартала (2008 г.)

Сергиевский квартал расположен в исторической черте Петербурга напротив Летнего сада и ограничен набережными реки Фонтанки и Кутузова, улицами Чайковского и Гагарина. Важной характеристикой этой городской территории является ее общепризнанная историческая ценность: некоторые здания имеют статус памятников и построены по проектам известных архитекторов: например, особняк графа А. Г. Кушелева — Безбородко (архитекторы — И. П. Скотти, Л. В. Глама, Р. Р. Генрихсен, интерьеры

выполнены Н. Л. Бенуа), особняк А. Г. Алексеева (архитектор — А. К. Гаммерштедт).

В марте 2008 г. после приобретения крупным инвестором ООО «Невское» здания на улице Гагаринской, дом №1/24, среди жителей квартала распространились слухи о скором сносе жилых домов и выселении жильцов[1]. Инвестор получил в распоряжение здание, ограничивающее оспариваемую территорию со стороны Гагаринской улицы, для реставрации и создания нового объекта туристической инфраструктуры — отеля класса «люкс». С целью защиты данного участка городского пространства от возможного сноса жильцы, заинтересованные в сохранении квартала, организовали инициативную группу.

Еще раз подчеркнем, что самоорганизация локального сообщества Сергиевского квартала протекала в контексте тотальной неопределенности градостроительных планов в отношении данной территории и непрозрачности решений городской администрации и инвесторов. В ситуации выраженной коммуникативной асимметрии представители локального сообщества все же определили ситуацию как кризисную и прибегли к различным стратегиям защиты территории от предполагаемого сноса в полном соответствии с теоремой Томасов: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям» [Thomas, Thomas, 1928, p. 572]. Другие группы жильцов, также определив перспективы сноса как реальные, начали рассчитывать возможные выгоды (например, планировать получение жилья в другом районе города).

В условиях неопределенности, которая нарушила режим привычного пользования территорией квартала (оставалось неясным, будет ли действительно осуществлен снос), инициативная группа первоначально обратилась к рамке действия «протест» (организовала ряд митингов, пригласила журналистов), однако быстро избрала в качестве основного механизма защиты территории опцию «выход». Иными словами, жильцы поставили перед собой цель сменить государственную форму собственности на жилые постройки и землю по периметру зданий на альтернативную, создав ТСЖ. По мнению инициативной группы, это позволило бы защитить квартал от сноса: *«Для того чтобы блокировать ситуацию, нужно исключить пункт по передаче управления нашим имуществом. Многие из вас решение уже видели, и его надо подписать. Ниже мы даем им срок — год. Поскольку каждый из нас как физическое лицо подписывает с ЖилКомСервисом, когда мы создаем ТСЖ, мы становимся юр. лицом... Дальше, мы уже в рабочем порядке создаем ТСЖ, поскольку приватизация*

1 Протокол наблюдения №2 от 27.03.2008.

земли имеет возможность быть и без создания ТСЖ... При этом ТСЖ автоматом... эээ... получаешь приватизацию земли»[1]. Этот выбор обусловил признание нерелевантными таких потенциальных ресурсов борьбы, как историческая и архитектурная ценность квартала, а формирование сетей взаимодействия с другими инициативными группами и градозащитными организациями — избыточным.

Любые единодушные решения и действия жильцов оказались невозможными из-за социально и культурно-гетерогенного состава соседского сообщества, основными измерениями которого выступили различные формы собственности жильцов на квартиры, владение всей площадью квартир или только их частью, конфликты возрастных групп жильцов, выраженное неравенство социально-экономического статуса домохозяйств и т. п. В результате многие представители локального сообщества отказались от участия в протесте, заявив: «*Нас и так много, и так все без нашего участия решат*»[2]. Таким образом, немногочисленным активным жильцам привелось в полной мере столкнуться с «проблемой безбилетника».

На момент конфликта большая часть квартир в Сергиевском квартале была не приватизирована. Некоторые квартиры все еще оставались коммунальными; несколько жильцов пенсионного возраста легитимировали свой отказ от оформления и регистрации необходимых документов отсутствием денежных средств: *«приватизация квартир тоже бесплатна. В прошлом году... Бесплатна? Четыре тысячи заплатила моя соседка за бумажки! Вы приватизируете: нотариус — бумажка, дверь открыли — бумажка! С кого деньги?»*[3]. В результате жильцам так и не удалось в ограниченные сроки (к маю 2008 г.) создать ТСЖ, для чего требовалось собрать не менее 50% подписей жильцов квартала.

Краткий всплеск активности жильцов (ознаменовавшийся проведением митингов, предложением организовать особый праздник квартала и прочими инициативами) вскоре сменился апатией. Это свидетельствует о том, что локальное сообщество Сергиевского квартала представляло собой типичный случай flash-community — сообщества, самоорганизовавшегося лишь в ответ на внешнюю угрозу и распавшегося при ее исчезновении. Таким образом, динамика сообщества охватила стадии латентной и полуорганизованной группы, однако затем, так и не достигнув организованной стадии, сообщество вернулось на прежний уровень.

1 Протокол наблюдения № 6 от 30.03.2008. Активистка 3.

2 Интервью 3. Информант 1.

3 Интервью 4.

Вероятно, определяющим фактором выбора инструментов борьбы и пути самоорганизации локального сообщества Сергиевского квартала выступил тип городской территории, который позволил горожанам прибегнуть к опции «выход» в виде создания ТСЖ. Однако гетерогенный состав локального сообщества послужил мощным препятствием на пути самоорганизации. В результате сообщество разделилось на небольшой лагерь активистов и их сторонников, с одной стороны, и тех жильцов, кто по различным причинам придерживался опции «лояльность», — с другой.

Угроза сноса дома Юргенса (2010 г.)

Дом Юргенса находится в центре Санкт-Петербурга на улице Жуковского, дом № 19. Здание представляет собой трехэтажный особняк с прилегающим к нему дворовым флигелем. Дом построен в 1865 г. по проекту русского архитектора Э. Г. Юргенса.

Представители фирмы-застройщика ООО «Луксор» выкупили все квартиры в доме и планировали снести здание в 2010 г., чтобы построить на месте трехэтажного особняка пятиэтажное кредитно-финансовое учреждение или гостиницу. ООО «Луксор» удалось получить постановление об аварийном состоянии здания, а также разрешение на снос, что спровоцировало протестную активность представителей локального сообщества — жителей близлежащих к дому Юргенса домов № 17 и 21.

Тип оспариваемого пространства не позволил жильцам осуществить действия в рамках опции «выход»: сменить субъекта принятия решений по поводу судьбы дома (из-за отсутствия прав собственности на здание). Поэтому они были вынуждены обратиться к опции «протест».

Поначалу горожане предпочли легитимные протестные действия: они обращались по телефону в различные инстанции (муниципальный округ, управляющую компанию, администрацию города), составляли коллективные письма губернатору В. Матвиенко, собирали подписи против сноса здания.

Однако эти действия имели низкую эффективность: «*В результате, значит, как нам сказали во всех инстанциях: мы с мая месяца, мы, жильцы дома 17, пишем во все инстанции, начиная с Матвиенко и кончая более низкими инстанциями. Вы знаете, кроме отписки нам никто ничего, кроме... Вот, частный владелец квартир в этом доме имеет право делать все, что он хочет. В результате мы оказались в бесправовом пространстве*»[1].

1 Интервью 5.

Данная ситуация заставила членов локального сообщества обратиться за помощью к депутату Законодательного собрания Санкт-Петербурга коммунисту С. Малкову, а также к популярным медийным персонам (например, режиссеру А. Сокурову) и приступить к продолжительным публичным акциям протеста. Данные акции проходили как непосредственно у дома Юргенса, так и на других городских площадках (один из митингов в защиту особняка был организован движением «Живой город» 16 октября 2010 г. в сквере Маяковского недалеко от ул. Жуковского).

Необходимо подчеркнуть, что жители микрорайона изначально действовали в соответствии с логикой объединений NIMBY [Hermansson, 2007], самостоятельно предпринимая протестные действия против потенциального сноса дома Юргенса и не обращаясь к другим инициативным группам и градозащитным движениям. Но постепенно локальные активисты осознали необходимость создания сетей (с защитниками сквера на улице Ивана Фомина, дома № 112 на Невском проспекте, фермы Бенуа, площади Мужества, представителями движения «Охтинская дуга») с целью обмена информацией и опытом: *«Все больше и больше горячих точек в нашем городе. Везде какие-то инициативные группы. Люди пытаются бороться за свои права, за свои дома, за свои скверы, за свои гаражи. И слава Богу, что есть люди, которые пытаются объединить усилия разных разрозненных групп, чтобы как-то защищать наши права вместе»*[1]. Такое объединение было призвано сделать протест более массовым, а следовательно, более заметным как для властей, так и для широкой общественности: *«Друзья, товарищи, надо объединяться. Вот сегодня опубликовали первые данные о двух днях переписи населения. Уже переписано 6% населения города. Вот, если бы эти 6% населения города пришли вместе, объединилась, и это дало бы власти понимание, что действительно люди озабочены тем, что происходит в городе. И тогда, тогда они уже задумаются, как в следующий раз... Колокол уже прозвенел. И тоже здесь подсказка в том, что если большое количество людей объединяются, то, значит, что что-то здесь определенное недовольство действиями властей»*[2].

Затем, убедившись в низкой результативности подобных действий, они избрали стратегию объединения с градозащитными организациями города: «Движением гражданских инициатив» и «Живым городом», «Автономным действием» и «Организацией по охране памятников и архитектуры». В некоторых случаях

1 Протокол наблюдения № 2 от 16.10.2010. Андрей Воронцов, активист «Живого города».

2 Протокол наблюдения № 2 от 16.10.2010. Защитник сквера на улице Ивана Фомина.

часть представителей локального сообщества выражала готовность переложить ответственность за борьбу против сноса на «Живой город», самую активную из организаций, защищающих объекты культурного наследия. Однако эти попытки делегирования ответственности встретили недопонимание и неодобрение среди других членов локального сообщества и представителей дружественных инициативных групп.

Ж. 1: Так что вот, мы ждем и от этого митинга, и от движения «Живой город» одного результата — чтобы нам помогли.

Ж. 2: Мы должны объединяться, а не ждать от кого-то, понимаете?

Ж. 3: Любой может оказаться в таком же положении.

Ж. 2: Да, а чего ждать?[1]

По мере снижения эффективности обращений к легальным способам борьбы за сохранение дома Юргенса началось развитие и диверсификация протестных инициатив. Однако как только административно-бюрократические процедуры показали себя результативными, вновь произошел спад публичной активности защитников дома и их сторонников. В процессе оспаривания городского пространства локальное сообщество перешло от латентной стадии групповой динамики к фазе полуорганизованной группы. Между тем после исчезновения угрозы сноса сообщество вернулось на первоначальную стадию групповой динамики, так и не сформировав организованную группу. Кратковременная солидаризация горожан подкреплялась образом внешнего врага, репрезентированного в нарративах информантов как коалиция фирмы-застройщика и городской администрации. В реальности же, вероятно, сговора политических и экономических акторов-участников конфликта в отношении дома №19 по ул. Жуковского не было, о чем косвенно свидетельствует итоговый отказ властей от сноса здания.

Снос гаражных строений в КАС «Парнас» (2009–2012 гг.)

В 2009 г. городская администрация предоставила компании «Главстрой-СПб» земельные участки в промзоне «Парнас» для строительства крупного жилого комплекса «Северная долина». В радиус застройки попали гаражные кооперативы «Парнас-1, 2, 3 и 4», которые не были обозначены на картах, предоставленных строительной компанией. Это означало, что де-юре гаражей не существует, и земля отдана застройщику без обременения.

1 Протокол наблюдения №2 от 16.10.2010.

Потенциально владельцы гаражей имели возможность обращения к стратегии «выход» в виде приватизации земельных участков под гаражами, однако эта опция, доступная еще несколько лет назад, была оперативно заблокирована городскими властями. Ранее же приватизация гаражей владельцами боксов КАС «Парнас» не являлось востребованной и необходимой мерой, поскольку права собственности на строения не проблематизировались сильными группами интересов: *«Невозможно, да. То есть это уже не оформлено. У кого-то что-то, они сейчас побежали в ПИБ оформлять, а оформлять на то, чего уже нет, тоже нечего, вот»*[1].

Воспользоваться возможностями «выхода» не удалось даже тем, кто успел оформить гараж в ПИБе: документально подтвержденная приватизация боксов не предотвратила их снос. Некоторые владельцы боксов в КАС «Парнас» выставили свои гаражи на продажу, тем самым пытаясь обеспечить альтернативную версию стратегии «выход». Однако эти попытки не увенчались успехом, поскольку накануне сноса собственники не смогли найти покупателей.

В результате для защиты гаражей от сноса, а в случае сноса — для отстаивания своего права на достойную компенсацию в виде денежного эквивалента рыночной стоимости бокса или предоставления аналогичного гаража на другой городской площадке владельцы гаражей были вынуждены действовать преимущественно в рамках опции «протест».

Изначально они пытались отстаивать свои права индивидуально, поодиночке. Однако по мере разворачивания протеста инициативные владельцы гаражей склонились к стратегии самоорганизации и кооперации в рамках коллективного действия, посчитав ее соответствующей поставленным целям: *«То есть, когда мы все это начинали, то первое время это делали для себя, а потом пошло-поехало, мы уже это делали для людей. Мы пытались как-то собрать людей. Мы прекрасно понимали, что интересы наши неотделимы от интересов других гаражников. А вместе эти интересы защищать проще»*[2]. Будущий лидер сообщества и его ближайшие соратники в борьбе за право собственности на гаражи, познакомившись на независимой публичной площадке — общегородском митинге против строительства «Охта-центра», — предприняли активные действия по созданию организованной группы, сначала общественной организации, а позже — профсоюза владельцев гаражей «Рубеж»: *«Когда председатель полностью нас начал*

1 Интервью 12.

2 Интервью 11. Борис Карпов — председатель профсоюза владельцев гаражей «Рубеж».

кидать, сначала мы собрались, решили создать общественное движение. Создали общественное движение. Покрутились, посмотрели, походили на всякие акции. А наша атака, ну, близкие к нам, меня не было, но, в частности, был митинг против строительства Охта-центра. Он был у „Спортивной" станции метро, тридцать тысяч собрал там. Ну, с ребятами познакомились. А они сказали: «А чего, давайте профсоюз?». По законам, профсоюзные деятели имеют больше прав. Взяли и создали. Собрались 7 ноября, создали»[1].

Таким образом, локальное сообщество владельцев гаражей перешло от латентной группы к полуорганизованной и — по мере завязывания знакомств с другими активистами и градозащитниками в рамках более широких сетей — постепенно достигло стадии институционализированной, организованной группы.

В целях более эффективной организации протестной активности инициативные владельцы гаражей в КАС «Парнас-3, 4» обратились к другим владельцам гаражей. Значительный масштаб сообщества (около 8500 владельцев) обусловил сетевую организацию активной группы и разделение функций внутри этой группы: *«Вначале инициативная группа, потом общество „Гараж" такое было, просуществовало полгода. Потом мы переродились, может, мы это сделали зря, в профсоюз „Рубеж". Есть плюсы, и есть минусы. Плюсы — это возможность подать заявку на мероприятие и собираться, да? Это не традиционный профсоюз. Вступали только активисты, взносы были символические»*[2].

Среди факторов, которые способствовали успешной самоорганизации локального сообщества защитников гаражей в кооперативе «Парнас», укажем следующие:

- наличие лидера и нескольких его соратников, готовых вкладывать значительные временные, физические и финансовые инвестиции в поддержание кооператива;
- профессиональный опыт лидера по организации (трудовых) коллективов;
- наличие нескольких лидеров-экспертов, владеющих профессиональной информацией (знание законодательства, умение разрабатывать сайты и т. д.);
- существование консолидирующего фактора в виде угрозы финансовых потерь;
- роль правозащитных организаций, оказывающих помощь в солидаризации сообщества и решении организационных вопросов (анархисты, «Тигры»);

1 Интервью 9. Мужчина. Заместитель председателя профсоюза «Рубеж».

2 Интервью 11. Борис Карпов — председатель профсоюза владельцев гаражей «Рубеж».

- достижение определенного успеха в действиях по защите гаражей от сноса.

В качестве факторов, препятствующих самоорганизации сообщества, можно выделить:

- гетерогенный состав сообщества (этнический, социальный, экономический, возрастной, разница политических взглядов);
- отсутствие дружеских контактов между лидерами сообщества;
- крупный масштаб сообщества (8500 владельцев гаражей) и отсутствие доверия между его членами;
- нехватка необходимых ресурсов для ведения борьбы, необходимость постоянного вложения инвестиций в инфраструктуру борьбы (финансовых, временных, физических).

Инициативные владельцы гаражей подчеркивали необходимость решать вопрос в первую очередь легальными способами, отстаивая свои права собственности на имущество. Они подавали прошения в различные инстанции, обращались с исковыми заявлениями в суд и милицию, выдвигали в качестве конкурента В. Матвиенко на позицию депутата в муниципальном округе одного из своих представителей: *«Оружие? Ну, да, было оружие. Но мы не призывали к восстанию, мы как раз призывали всегда: „Давайте жить по закону“. Вот. Вам нужна эта земля? Мы не против. Но дайте нам то, что положено»*[1].

Однако инициативы в правовом поле не возымели значительного успеха. Сообщество пережило пик самоорганизации во время создания профсоюза, ведения открытых протестных действий и непосредственного физического сопротивления сносу гаражей. После уничтожения всех гаражей в КАС «Парнас» сообщество потеряло большинство членов, но осталось на организованной стадии групповой динамики. Впрочем, по словам председателя профсоюза владельцев гаражей «Рубеж» Бориса Карпова, владельца снесенного на «Парнасе-4» гаража, с самого начала конфликта большинство «гаражников» придерживалось опции «лояльности»: «*Все-таки из десяти-девяти тысяч гаражей мы смогли собрать 200–300 отчаянных голов*»[2].

В качестве оснований для обращения владельцев гаражей к стратегии лояльности выступили, в частности, финансовые обязательства владельцев гаражей перед кредиторами; страх потерять место работы; страх перед насильственными действиями

1 Интервью 10. Мужчина. Заместитель председателя профсоюза «Рубеж».

2 Интервью 11. Борис Карпов — председатель профсоюза владельцев гаражей «Рубеж».

правоохранительных органов; вера в бесполезность оспаривания решений властей о сносе; обоснованное предположение о существовании сговора между администрацией и застройщиком; озабоченность получением краткосрочных компенсаций (возврат взносов кооперативу) в ущерб долгосрочным (получение компенсации за снесенный гараж); нежелание вкладывать деньги и тратить личное время на развитие инфраструктуры борьбы; и, наконец, стратегия безбилетника, показавшаяся максимально выгодной большинству владельцев гаражей. Кроме того, некоторые «гаражники» демонстрировали пассивность в конфликтной ситуации, поскольку были готовы согласиться с получением компенсаций за снесенный гараж, совершенно не достаточных, по мнению активистов, или принять другие виды возмещения ущерба, предлагаемые властями и инвесторами (организация стоянки, покупка места на паркинге и т. д.).

Выводы

Данные эмпирического исследования демонстрируют, что основными социальными условиями, способствующими самоорганизации локального сообщества в ситуации оспаривания городского пространства, являются небольшой размер локального сообщества, наличие в его составе представителей, выражающих мнение группы во властных структурах, членов других инициативных групп и градозащитных организаций, наличие локального лидера, выражающего групповые интересы, а также история физических, временных, эмоциональных инвестиций, вложенных горожанами в оспариваемое городское пространство, и наличие у них предыдущего опыта самоорганизации и коллективного действия.

Напротив, социальными условиями, препятствующими самоорганизации локального сообщества, как правило, можно считать большое число участников локального сообщества, не объединенных в микрогруппы, отсутствие человека или инициативной группы, готовых взять на себя ответственность за протестную деятельность, гетерогенный состав сообщества по разнообразным социоэкономическим параметрам, отсутствие у сообщества предыдущего опыта самоорганизации и борьбы за городское пространство. Самоорганизацию локального сообщества затрудняет также дилемма безбилетника, заставляющая большинство членов придерживаться пассивной позиции в конфликтных ситуациях. Важнейшим же фактором, определяющим сценарии внутренней динамики локальных сообществ, следует признать тип оспариваемого пространства,

поскольку именно от этого фактора зависит репертуар доступных горожанам стратегий и тактик оспаривания: например, возможность действия в модальности «выхода» или необходимость ограничиться немногочисленными ресурсами опции «протест».

Конструируя образ оппонентов, представители локальных сообществ неизменно предполагают наличие коалиций между городскими администрациями и бизнес-элитами. Однако случаи удовлетворения требований горожан в результате борьбы за городское пространство косвенно свидетельствуют о том, что подобные коалиции существуют не всегда (вероятно, они складываются реже, если инвестиционные проекты не являются крупными).

Все изученные сообщества, включившиеся в процессы оспаривания городских территорий, прошли латентную и полуорганизованную стадию групповой динамики. Часть из них также достигла организованной стадии (владельцы гаражей). Однако в большинстве случаев локальное сообщество переживает процессы стремительной активизации и солидаризации при возникновении внешней угрозы и быстро возвращается к латентной стадии после разрешения конфликта (удовлетворение требований горожан или, напротив, их поражение в борьбе за право на город), принимая форму так называемых flash-communities. Примечательно, что угроза городской территории не обязательно должна быть реальной. Циркулирующие в сообществе слухи, порожденные недостаточной прозрачностью взаимодействий между городскими администрациями, инвесторами и населением, а также неопределенностью режимов собственности в крупных постсоветских городах, также могут спровоцировать самоорганизацию сообщества и возникновение его альянсов с другими городскими протестными инициативами и градозащитными движениями. Площадками для возникновения горизонтальных сетевых структур, позволяющих горожанам обмениваться информацией и опытом оспаривания городского пространства, могут выступать как собственно оспариваемые территории, так и общегородские площадки публичного (порой политизированного) протеста.

Библиография

Витгенштейн Л. (1994) *Философские исследования.* Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1, М.: Гнозис.

Олсон М. (1995) *Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп*, М.: Фонд экономической инициативы.

Fletcher R. (1971) *The making of sociology. A study of sociological theory.* Developments. (II), London.

Hermansson H. (2007) The Ethics of NIMBY Conflicts. *Ethical Theory and Moral Practice,* 10 (1): 23–34.

Hubbard P. (2005) Accommodating otherness: anti-asylum centre and the maintenance of white privilege. *Transaction of the Institute of British Geographers,* (30).

Keur J. Y., Keur D. L. (1995) *The Deeply Rooted. A Study of a Drents Community in the Netherlands,* Assen.

Lynd R. S., Lynd H. M. (1937) *Middletown in Transition: A Study in Cultural Conflicts,* N. Y.

Putnam R. D. (2000) *Bowling alone: The collapse and revival of American community*, N. Y.

Thomas W. I., Thomas D. S. (1928) *The child in America: Behavior problems and programs.* N. Y.: Knopf.

Warner W. L., Lunt P. S. (1941) *The Social Life of a Modern Community.* New Haven.

Wenger E. (*2001) Communities of Practice. International encyclopedia of the social and behavioral sciences,* N. Y.

Wenger E. (1998) *Communities of Practice: Learning, Meaning, and Identity,* N. Y.

Yin R. (1994) Case Study Research: Design and Methods. *Applied Social Research Methods Ser.,* (5): 93–101.

Young M., Willmott P. (1962) *Family and Kinship in East,* London: Harmondsworth.

References

Fletcher R. (1971) *The making of sociology. A study of sociological theory*, London: Developments.

Hermansson H. (2007) The Ethics of NIMBY Conflicts. *Ethical Theory and Moral Practice,* 10 (1): 23–34.

Hirschman A. O. (1970) *Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*, Cambridge: Harvard University Press.

Hubbard P. (2005) Accommodating Otherness: Anti-Asylum Centre and the Maintenance of White Privilege. *Transaction of the Institute of British Geographers*, 30: 52–65.

Keur J. Y., Keur D. L. (1995) *The Deeply Rooted. A Study of a Drents Community in the Netherlands,* Assen: Van Gorcum.

Lynd R. S., Lynd H. M. (1937) *Middletown in Transition: A Study in Cultural Conflicts*, New York: Harcourt, Brace & World.

Wittgenstein L. (1994) *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Investigations]. Wittgenstein L. Filosofskie raboty [Philosophical Issues], Moscow: Gnozis.

Olson M. (1995) *Logika kollektivnykh deystviy. Obshchestvennye blaga i teoriya grupp* [The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups], Moscow: Fond ekonomicheskoy initsiativy.

Putnam R. D. (2000) *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*, New York: Simon & Schuster.

Thomas W. I., Thomas D. S. (1928) *The Child in America: Behavior Problems and Programs,* N. Y.: Knopf.

Warner W. L., Lunt P. S. (1941) *The Social Life of a Modern Community*, New Haven: Yale University Press.

Wenger E. (2001) *Communities of Practice.* International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences, N. Y., Amsterdam: Elsevier. 2339–42.

Wenger E. (1998) *Communities of Practice: Learning, Meaning, and Identity,* N. Y.: Cambridge University Press.

Yin R. (1994) Case Study Research: Design and Methods. *Applied Social Research Methods Ser.,* 5: 93–101.

Young M., Willmott P. (1962) *Family and Kinship in East,* London: Harmondsworth.